

К. Бальмонт

Поэзия Оскара Уайльда

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко

М., "Правда", 1990

[OCR Бычков М. Н.](#)

I have made my choke, have lived my poems...

Oscar Wilde. Poems¹

¹ Я сделал свой выбор, в моих стихах прошла моя жизнь... Оскар Уайльд (англ.).

Лет семь тому назад, когда я в первый раз был в Париже в обычный час прогулок, я шел однажды по направлению к церкви Мадлен, по одному из Больших бульваров. День был ясный, и полное ярких и неясных красок закатное небо было особенно красиво. На бульварах был обычный поток фигур и лиц, течение настроений и нервного разнообразия, мгновенные встречи глаз с глазами, смех, красота, печаль, уродство, упоение минутностями, очарование живущей улицы, которое вполне можно понять только в Париже.

Я прошел уже значительное расстояние и много лиц взял на мгновение в свои зрачки, я уже насытился этим воздушным пиршеством, как вдруг, еще издали, меня поразило одно лицо, одна фигура. Кто-то весь замкнутый в себе, похожий как бы на изваяние, которому дали власть сойти с пьедестала и двигаться, с большими глазами, с крупными выразительными чертами лица, усталой походкой шел один - казалось, никого не замечая. Он смотрел несколько выше идущих людей, -- не на небо, нет, -- но вдаль, прямо перед собой, и несколько выше людей. Так мог бы смотреть осужденный, который спокойно идет в неизвестное. Так мог бы смотреть, холодно и отрешенно, человек, которому больше нечего ждать от жизни, но который в себе несет свой мир, полный красоты, глубины и страдания без слов.

Какое странное лицо, подумал я тогда. Какое оно английское по своей способности на тайну.

Это был Оскар Уайльд. Я узнал об этом случайно. В те дни я на время забыл это впечатление, как много других, но теперь я так ясно вижу опять закатное небо, оживленную улицу и одинокого человека -- развенчанного гения, увенчанного внутренней славой, -- любимца судьбы, пережившего каторгу, -- писателя, который больше не хочет писать, -- богача, у которого целый рудник слов, но который больше не говорит ни слова.

Мне вспоминается еще одна маленькая картина из прошлого.

Я был в Оксфорде и сидел в гостиной у одного из знаменитых английских ученых. Кругом было избранное общество, аристократия крови и образованности, красивые женщины и ученые мужчины. Я говорил о чем-то с одним из джентльменов, поглотившим, конечно, не одну сотню томов, и спросил его: "Вам нравятся произведения Оскара Уайльда?" Мой собеседник помедлил немного и вежливо спросил меня: "Вам удобно здесь в Оксфорде?" Я был в первый раз в Англии и не знал еще многого об англичанах из того, что я знаю теперь. Сдержав свое наивное изумление, я ответил: "Благодарю, мне очень нравится Оксфорд. Но вы, вероятно, не поняли меня. Я говорю: я очень люблю некоторые вещи Оскара Уайльда. Вам нравятся его произведения?" Корректный джентльмен вскинул на секунду свой взор к потолку, чуть-чуть передвинулся в своем кресле и сказал немного холоднее: "У нас в Англии очень много писателей". При всей наивности я понял, что, если бы я в третий раз повторил свой вопрос, мой собеседник притворился бы глухим или встал бы и перешел бы в другой конец комнаты.

Мне холодно и страшно от этой английской черты, но я нимало не осуждаю этого добродетельного профессора. Он шел своей дорогой, как Уайльд своей. Чего ж какой-то иностранец пристаёт к нему с разговорами о писателе, окруженном атмосферой скандала, столь оскорбительной для хорошо себя ведущих джентльменов! Британское лицемерие не всегда есть лицемерие, иногда это лишь известная форма деликатности. Притом же он добросовестно прочел сочинения Оскара Уайльда, и они ему не так уж нравятся. Он все же прочел их, как культурный человек, и не похож на тех, которые отрицают писателя, не читавши его произведений. Английский джентльмен был беспощаден, но, боюсь,